

И.И. Покровский

Рытешество
за рогкуми
кнугаку

Н. Н. Покровский

ПУТЕШЕСТВИЕ ЗА РЕДКИМИ КНИГАМИ

Издание третье, дополненное и переработанное

ИД «Сова»
Новосибирск
2005

*Федеральная целевая программа «Культура России»
(подпрограмма «Поддержка полиграфии и книгоиздания России»)*

Вступительная статья
академика *Д. С. Лихачева*

П 48 **Н. Н. Покровский.** Путешествие за редкими книгами. — 3-е изд.,
доп. и перераб. — Новосибирск: ИД «Сова», 2005. — 344 с., илл.
ISBN 5-87550-213-4

В книге выдающегося сибирского ученого, академика РАН Н. Н. Покровского представлены живые, увлекательные рассказы об организованных им экспедициях, его встречах со старообрядцами, живущими в затерянных в тайге поселениях и скитах, об интереснейших памятниках древнерусской и старообрядческой книжности, приобретенных в ходе экспедиционной работы, и их авторах. Основные герои книги: один из крупнейших православных богословов XVI в. Максим Грек, знаменитый историк и государственный деятель XVIII в. Василий Никитич Татищев, старообрядческие наставники и писатели XVIII в. — Родион Набатов, Мирон Галанин, беглый холоп Максим, руководители Тарского бунта 1722 г., а также старообрядцы, хранители древнерусского книжного наследия, с которыми автор встречался во время своих экспедиционных поездок.

Книга предназначена как для самого широкого круга читателей, интересующихся отечественной историей и культурой, так и для специалистов различного профиля — историков, литературоведов, этнографов, археографов.

ISBN 5-87550-213-4

© Покровский Н. Н., 2005
© ИД «Сова», 2005

АРХЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОТКРЫТИЕ СИБИРИ

Предлагаемая вниманию читателей книга написана крупнейшим знатоком сибирской крестьянской литературы, по существу открывшим ее, собравшим ее со своими учениками по всему обширному пространству Западной Сибири, Урала, Алтая и давшим ей глубокое научное истолкование во всех аспектах: археографическом, источниковедческом, историческом, идеологическом и литературном.

До «археографического открытия» Сибири, произведенного Н. Н. Покровским, его коллегами и учениками, считалось, что в Сибири древнерусская книжность представлена очень бедно, ибо какие могут быть, казалось, древние книги в стране, освоенной в основном в XVII и последующие века?

Однако оказалось, что русские переселенцы везли с собой наряду с самым необходимым для первоначального своего устройства книги, книги и книги, а затем в своей многотрудной жизни на новых землях усиленно занимались перепиской книг и созданием своей собственной новой крестьянской литературы.

Первая экспедиция за древними рукописными книгами, организованная Сибирским отделением Академии наук СССР и выехавшая из Новосибирска летом 1965 г., привезла 38 рукописных и старопечатных книг. Это был неожиданный и большой успех, так как предварительные данные о наличии древних книг были еще не собраны. Экспедиция отправлялась в неизвестность.

Уже в этой первой экспедиции 1965 г. Е. И. Дергачевой-Скоп удалось найти рукописный сборник с сочинениями Иосифа Волоцкого — писателя первой половины XVI в.

Дар академика М. Н. Тихомирова Новосибирской научной библиотеке своего собрания древнерусских рукописей позволил новосибирским ученым не только описывать вновь найденные рукописи, но изучать их на широкой основе сопоставлений с другими. И сборник с сочинениями Иосифа Волоцкого, найденный в экспедиции 1965 г., оказался по почерку очень близок одному из Хронографов в собрании М. Н. Тихомирова. Это свидетельствовало о том, что в Сибири находятся рукописи отнюдь не местного происхождения и местного значения.

За годы 1965–1983 новосибирскими археографическими экспедициями была охвачена огромная территория. Новосибирские археографы во главе с Н. Н. Покровским создали семь территориальных коллекций, приобрели целиком отдельные крестьянские библиотеки. Новосибирские книжные хранилища были пополнены более чем 1 700 рукописными и печатными книгами и отдельными списками. Среди найденных книг оказались новые списки таких важных произведений древней Руси, как «Послание к брату столпнику», по-видимому, киевского митрополита XI в. Илариона, Слова Кирилла Туровского, созданные в XII в., Паремийные чтения о Борисе и Глебе, первоначальные редакции которых относятся к XII в., Сказание о Мамаевом побоище, созданное в XV в., Повесть о царице Динаре, написанная в XVI в., и многие другие.

Среди значительнейших открытий новосибирских ученых может быть отмечен и найденный на Алтае в 1968 г. рукописный сборник, содержащий наиболее ранние и наиболее полные записи о суде над известным ученым и публицистом XVI в. Максимом Греком. Об этом сборнике в книге речь будет особая¹. Но дело не только в известных произведениях и в материалах об известных авторах. Была открыта огромная крестьянская литература XVIII–XIX вв. — литература, свидетельствующая о неустомимых, горячих и бескомпромиссных поисках народом правды-истины, об отчаянной борьбе крестьянства с самодержавным государством за право думать и верить по своему собственному разумению².

Новосибирская школа археографов — это явление удивительное в наших гуманитарных науках. Здесь объединены филологи и исто-

¹ Судные списки Максима Грека и Исаака Собака / Подготовка к печати Н. Н. Покровского. М., 1971; *Покровский Н. Н.* Замечания о рукописи «Судных списков» Максима Грека // ТОДРЛ. Т. 36. Л., 1981. С. 80–102. См. главу IV этой книги.

² *Покровский Н. Н.* Новые сведения о крестьянской старообрядческой литературе Урала и Сибири // ТОДРЛ. Т. 30. Л., 1976. С. 173–183; *Он же.* Новые находки произведений крестьянской литературы Урала и Сибири в XVIII веке // Археографический ежегодник за 1971 год. М., 1972. С. 376–377; *Он же.* К изучению памятников протеста крестьян-старообрядцев Западной Сибири середины XVIII века // Бахрушинские чтения, 1971. Вып. 2. Из истории социально-экономического и политического развития Сибири в XVII — начале XX в. Новосибирск, 1971. С. 50–58; *Байдин В. И.* Новые источники по организации и идеологии урало-сибирского старообрядчества в конце XVIII — первой пол. XIX в. // Сибирское источниковедение и археография. Новосибирск, 1980. С. 93–109.

рики, искусствоведы и музыковеды, — объединены «комплексной темой». Это только называется «комплексная тема», а по существу — это многосторонние культурные аспекты изучения целого своеобразного континента, огромной страны, раскинувшейся на территории, равной по площади Европе.

Да и археографией это не назовешь, потому что археографам приходится заниматься всем — от изучения почерков и водяных знаков на бумаге до истории широких общественных движений, переселений масс народа в поисках своеобразного крестьянского рая — Беловодского царства, утопии, которая захватывала мечты тысяч и тысяч. Археографы вступают в контакт со всеми, ибо книга — это и есть все. Она — как бы микрокосмос, отражает большой мир, во всяком случае, все представления человека о мире. И археографы, занимающиеся рукописной книгой, так или иначе сталкиваются со всем миром в представлениях людей, создающих книгу.

Только с первого взгляда археография кажется узкой дисциплиной. На самом же деле нет шире этой науки, и пространства ее соприкосновения с другими науками — самые обширные. На основе работ сибирских археографов уже создана сейчас история раннего этапа сибирской литературы, история сибирского крестьянства, созданы многочисленные описания рукописных книжных богатств Сибири, создана история сибирского летописания, начато издание сибирских летописей³.

Если позволено мечтать в науке, то подумаем о том, чтобы найти и сибирских композиторов из крестьян, как они найдены в Восточной России и как найдены авторы сибирских произведений общественной мысли.

Особый раздел археографии представляют исследования крестьянских жалоб, челобитных, наказов. Нигде так не соединяются судьбы людей и книг, как в исследованиях археографов. Предоставим слово Н. Н. Покровскому. Он пишет:

«Создатели крестьянской письменности — люди сложных и ярких судеб. Биографии многих крестьянских писателей, руководителей народного протеста вполне можно было бы писать в приключенческом остросюжетном жанре. Вполне понятно поэтому

³ *Дергачева-Скоп Е. И.* Из истории литературы Урала и Сибири XVII в. Свердловск, 1965; *Рамодановская Е. К.* Русская литература Сибири первой пол. XVII в. Новосибирск, 1973; *Она же.* Погодинский летописец (к вопросу о начале сибирского летописания) // Сибирское источниковедение и археография. Новосибирск, 1980. С. 18–58.

стремление новосибирских археографов насыщать свои специальные труды человеческими реалиями, создавать биографические очерки таких людей»⁴.

Изучение народного общественного сознания невозможно без исследования тех изменений, которые происходят с Петровской эпохи в механизме воздействия на это сознание со стороны господствующей церкви; процесс этот привел к важным переменам и в исторической сфере: возникли новые источники, сменились фондообразователи и т. д. Работа по анализу этих новшеств, выполненная Н. Д. Зольниковой на материале Западной Сибири XVIII в., пока не имеет аналогий для других регионов.

Лишь частично эта лакуна закрывается интересным, но не бесспорным исследованием Грегори Фриза⁵.

Изучение источников по крестьянским верованиям неизбежно привело новосибирских археографов к древним записям заговоров, календарных обрядов, законодательным и судебным материалам, отразившим борьбу официальной церкви и государства с «крестьянским вариантом» православия, реликтами язычества. Эти работы тесно сомкнулись с известными исследованиями М. М. Громыко о трудовых навыках сибирского крестьянства, их верованиях⁶.

⁴ Покровский Н. Н. Сибирский Илья-пророк перед военным судом просвещенного абсолютизма // Изв. Сибирского отд. АН СССР, 1972. № 6. Сер. обществ. наук. Вып. 2. С. 133–136; Он же. Исповедь алтайского крестьянина // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник, 1978. Л., 1979. С. 49–57; Он же. Крестьянский руководитель сибирских староверов-половцев середины XVIII в. Гаврила Морока // Вопросы истории Сибири. Вып. 2. Томск, 1982. С. 17–27.

⁵ Зольникова Н. Д. Ставленнические дела как источник по социальным проблемам XVIII века // Источниковедение и археография Сибири. Новосибирск, 1977. Вып. 2. С. 14–40; Она же. Табельные дни и организация политической службы духовенства в системе абсолютизма в Тобольской епархии 40–60-х гг. XVIII в. // Из истории Алтая. Томск, 1978. С. 204–219; Она же. Со словные проблемы во взаимоотношениях церкви и государства в Сибири (XVIII век). Новосибирск, 1981; Gregory L. Fseeze. The Russian Levites. Parish Clergy in the XVIII c. Cambridge Mass., L., 1977.

⁶ Покровский Н. Н. Документ XVIII века об отношении Синода к народным календарным обрядам // Советская этнография. 1982. № 5. С. 96–108; Он же. Исповедь алтайского крестьянина. См. также статьи Л. В. Островской, Н. Н. Покровского и М. М. Громыко в сборнике: Из истории семьи и быта сибирского крестьянства XVII — начала XX в. Новосибирск, 1975; монографию: Громыко М. М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII — первая пол. XIX в.). Новосибирск, 1975.

Наряду со всеми этими направлениями в Новосибирском научном центре (преимущественно в ГПНТБ) развивались книговедческие исследования по истории книги в Сибири в XVII–XVIII вв. В работах И. А. Гузнер и Л. А. Ситникова подверглись детальному анализу вопросы комплектования и состава ряда сибирских библиотек XVIII–XIX вв., в первую очередь Колывано-Воскресенских и Екатеринбургских горных и учебных библиотек. Хорошие результаты дало при этом изучение библиотечных помет и печатей на сохранившихся экземплярах книг в сопоставлении с описями и реестрами, извлеченными из архивных фондов. Важной находкой является обнаружение каталога 617 изданий и рукописей библиотеки В. Н. Татищева, переданных им в Екатеринбургскую горную школу⁷. Начало изучаться также и бытование западноевропейской книги в Сибири⁸.

Археографы — это не просто ученые, изучающие рукописи, — это ученые, открывающие людей. Сильной группе сибирских археографов необычайно повезло: они открыли не только отдельных авторов и переписчиков рукописей, — они открыли целую сибирскую крестьянскую литературу, разрушили обывательское представление о крестьянах как о людях, не имеющих особых интеллектуальных интересов. Они отчетливо показали, что крестьянские волнения, время от времени прокатывавшиеся по всей России, имели за собой напряженные духовные искания.

⁷ Гузнер И. А., Ситников Л. А. Библиотеки Колывано-Воскресенских горных заводов в XVIII в. // Вопросы истории книжной культуры. Вып. 19. Новосибирск, 1975. С. 9–50; Гузнер И. А. В. Н. Татищев и просветительская деятельность урало-сибирских библиотек в XVIII веке // Революционные и прогрессивные традиции книжного дела в Сибири и на Дальнем Востоке. Новосибирск, 1979. С. 5–16; Она же. Библиотеки учебных заведений Сибири в первой пол. XVIII века // Книга в Сибири XVII — начала XX в. Новосибирск, 1980. С. 64–77; Она же. Книжное собрание В. Н. Татищева в составе библиотеки Екатеринбургской горной школы // Сибирское собрание М. Н. Тихомирова и проблемы археографии. Новосибирск, 1981. С. 159–169; Ситников Л. А. Книга на заводах Урала и Сибири во второй пол. XVIII в. // Революционные и прогрессивные традиции... С. 17–30.

⁸ Ревякина Н. В., Макарова Л. М. Западноевропейская книга XV–XVIII вв. в библиотеках Сибири и Дальнего Востока // Вопросы истории книжной культуры. Вып. 19. С. 149–165; Макарова Л. М. Инкунабулы сектора редких книг из рукописей ГПНТБ СО АН СССР // Там же. С. 166–172; Ситников Л. А. Западно-европейская книга в Сибири во второй пол. XVIII века // Книга в Сибири. XVII — начала XX вв. Новосибирск, 1980. С. 79–98.

Не сомневаюсь, что читатель с интересом прочтет и разделы этой книги, посвященные переписке рукописей, и разделы о выявлении в найденных книгах сведений о давным-давно ушедшей идейной борьбе, и увлекательный рассказ об одном из ярчайших представителей крестьянской бескомпромиссной борьбы за свободу вероисповедания и за лучшее будущее — Владимире Трегубове.

Д. С. Лихачев (1984 г.)

Глава I

Скрипторий

Эта первая моя экспедиция за книгами в Сибири отложилась в памяти рельефнее, чем полтора десятка следующих сезонов со всеми их находками, подчас уникальными. Мой опыт поисков книг в селах Владимирщины оказался здесь почти совершенно бесполезным: все определялось удивительным своеобразием сибирских условий, которые предстояло еще познать и осмыслить. Кое-какая пища для размышлений уже имелась: несколько лет назад в одном из самых перспективных сибирских районов побывали мои добрые московские друзья А. И. Рогов и В. Б. Павлов-Сильванский, и я, конечно же, подробно расспросил их об этом. Собственно говоря, именно эти сибирские экспедиции Археографической комиссии убедили ее главу Михаила Николаевича Тихомирова в необходимости создавать сибирский археографический центр и вести поиск древних книг на востоке страны силами этого центра. Дело в том, что эти экспедиции позволили сделать два важных вывода. Во-первых, оказалось, что древняя русская книга в Сибири была. Не выдержали проверки фактами столь логичные, казалось бы, соображения скептиков о том, что в тяжкий путь, протянувшийся на многие тысячи верст, русский крестьянин будет брать с собою не увесистые фолианты, а более необходимый для обустройства на новом месте груз. Оказалось, что русским переселенцам XVII, XVIII, XIX вв. были почему-то крайне необходимы на новом месте и творения византийских писателей, и страстные обличения господствующей никонианской церкви, и продукция первых центров славянского книгопечатания.

Итак, русскую книгу в Сибири можно было искать. Но одновременно выяснилось, что традиционные методы такого поиска, дававшие хорошие результаты, например, в Поморье, требовали в Сибири существенного пересмотра. И это было вторым важным результатом первых экспедиций московских археографов. Иной была среда бытования книги: старообрядчество в Сибири сохранилось много лучше, чем в известных нам тогда районах Европейской России. Традиционная средневековая функция древней книги в Сибири еще не отошла целиком в прошлое. Отсюда — и особое отношение к книге, и особые отношения владельцев книг между собой, и, конечно, к любому чужаку. Все это предстояло познать на собственном опыте. Надо было учиться строить тот естественный, искренний стиль взаимоотношений с людьми, который помог бы понять наши действительные

цели, нашу заботу о культурном наследии прошлого, помог бы преодолеть понятное недоверие сибирских кержаков. В том, что недоверие это будет сильным, сомневаться не приходилось, тревогу старообрядцев за судьбу своих книг вполне можно было понять: веками власти охотились за ними, искореняя источник «зловредных суеверий», и, к сожалению, наш век долгое время не был исключением.

М. Н. Тихомиров со своими рукописями

Пройдут года и, отправляясь в новый район, мы будем чувствовать себя гораздо более уверенно. Нам будет что противопоставить понятному недоверию, традиционной осторожности наших слушателей. Искренность наших целей подтвердят наиболее авторитетные в этой среде люди — мы уже поймем, что в первую очередь нужно обращаться именно к ним. Мы узнаем многие тысячекилометровые родственные связи, пути недавних миграций и, приезжая в новый район, будем знать, кому и от кого передавать приветы, семейные новости. Не только мы узнаем многих, но и нас узнают многие.

В тот первый раз было куда труднее. Но и тогда у нас в руках был один важный аргумент — наше знание самых древних книг, умение разбираться в них, не путать Минею с Прологом, поморский орнамент с гуслицким, а почаетовское издание с киевским. Те, кто интересовались древней книгой ради ее уничтожения (или позднее ради наживы), как правило, не разбирались во всем этом, плохо знали вековую историю старообрядчества (см. рис. 4, 5 на цв. вклейке).

Однако прежде чем демонстрировать свои познания, следовало найти собеседников. Некоторые соображения о том, где их лучше искать, у нас уже имелись: информация была получена как упомянутыми московскими экспедициями, так и своеобразной разведывательной группой, отправленной летом 1965 г. из Новосибирска. В ее составе работали филологи, прошедшие лучшую в стране школу в экспедициях Пушкинского дома, у самого Владимира Ивановича Малышева, — Елена Ивановна Дергачева-Скоп и Елена Константиновна Ромодановская, а также уральский искусствовед В. Н. Алексеев, вскоре возглавивший ответственное дело хранения дара Тихомирова и других древних книг в ГПНТБ — библиотеке Сибирского отделения Академии наук. Эти сведения позднее будут успешно использоваться при планировании маршрутов новосибирских археографов (см. рис. 1–3 на цв. вклейке).

Первый маршрут нашей группы в 1966 г. был определен при обстоятельствах особых. Когда летом 1965 г. я последний раз посетил уже смертельно больного председателя Археографической комиссии, Михаил Николаевич с традиционной дотошностью расспросил меня о перспективах хранения и использования его уникальной коллекции рукописей в Сибирском отделении Академии наук СССР, о том, как осуществляется договоренность о начале поисковых археографических работ. Эта договоренность состоялась за несколько месяцев до того, когда руководители Сибирского отделения академики Михаил Алексеевич Лаврентьев и Александр Леонидович Яншин знакомились в доме на Котельнической набережной, на квартире у Михаила Николаевича, с его щедрым подарком Новосибирску. В больнице мы вспомнили и обсудили опять все узловые моменты той важной беседы. Я рассказал о новосибирских обстоятельствах, о поддержке Алексея Павловича Окладникова, о полной реальности экспедиционных планов. И лишь в последние минуты этой последней нашей встречи Михаил Николаевич, любясь принесенным мною букетом ярких полевых васильков, порекомендовал мне район поиска. Совсем не тот, что я ожидал. Далекий от прежних маршрутов московских и сибирских археографов. «Район» — очень условный термин в данном случае. Несколько произнесенных Михаилом Николаевичем букв обозначали огромную территорию на юге Сибири, за Саянами: сотни километров

горных хребтов, извилистых речных долин. До сих пор не знаю, каким образом в руки Михаила Николаевича попала эта тонкая ниточка — информация о том, что в какой-то из этих долин скрывается нечто, крайне интересное для археографа. В какой долине и что именно скрывается, сам Михаил Николаевич, вероятно, понятия не имел. На основании бывших тогда у нас сведений весь этот район смело можно было объявлять полностью бесперспективным для археографической работы: русское население пришло туда очень поздно, в XX в. никаких известий о наличии там хранителей древней традиции не было. Я проверял это по научной литературе и периодической печати — и тоже безрезультатно. Однако нельзя было пренебрегать советом Михаила Николаевича, ведь он прекрасно понимал значение этого совета для осуществления одного из самых любимых планов последних лет своей жизни. Быть может, правильнее было бы последовать этому совету не сразу, а через несколько лет работы в более надежных районах, когда новое направление уже закрепится в новом научном центре. Но мы рискнули...

Самые первые минуты экспедиции сопровождались памятным конфузом. Абсолютно не представляя обычаев и порядков в районе наших будущих действий, я на всякий случай отправил в местный научный центр пространную телеграмму, где с восточным многословием описывал государственную важность нашей задачи. Когда мы вчетвером сошли с рюкзаками с сильно запоздавшего самолета, мы с удивлением увидели на аэродроме посланную за нами кавалькаду из нескольких грузовых и легковых автомашин. В лучшую гостиницу города нас поместил сам руководитель научного центра, лицо уважаемое, занимавшее к тому же важный для горной республики государственный пост. Было ужасно неловко, и только серьезная работа могла как-то сгладить это. И здесь помощь, которую охотно оказывали наши хозяева, оказалась очень полезной. Уже к концу первого дня в нашем распоряжении была изрядная информация, свидетельствовавшая, что мы не напрасно приехали сюда. Нас познакомили с несколькими местными интеллигентами, подтвердившими, что здесь могла сохраняться русская старина. Были и туманные припоминания о каких-то книгах в кожаных переплетах, к сожалению, слишком неопределенные и давние, чтобы служить конкретной путеводной нитью. Через несколько дней нам даже показали одну из таких книг, лет двадцать назад привезенную из деревни. Она оказалась обычной перепечаткой начала XX в. и для науки интереса не представляла.

В итоге всех этих рассказов складывалось впечатление, что есть два удаленных друг от друга региона, куда имеет смысл ехать. Самолетные рейсы туда были не очень-то частыми и регулярными, и очередность нашей работы в конце концов определилась Аэрофлотом.

Наш первый маршрут еще недавно отнимал месяца полтора: трудная дорога шла вокруг высоких горных хребтов. Маленький самолет преодолел их за час, и мы оказались на краю большого плоскогорья, недалеко от самых красивых в Южной Сибири озер. Узкая пешеходная тропа выходила из небольшого села и шла через лес, где в это время еще доцветали крупные багровые орхидеи. Через несколько километров пути — пять дворов, населенных старообрядцами.

Нельзя сказать, что удача сопутствовала нам с первых шагов. Шаги эти были не очень еще умелыми, хотя, как потом оказалось, перед нами были представители старинных кержацких семей, за две сотни лет широко расселившихся по всей Сибири. Мы не сумели тогда завоевать их доверие, несколько книг, которые нам в конце концов показали, были напечатаны в начале нашего века и не представляли для нас интереса. И только в одном доме нам повезло. Старик Овечкин стал старообрядцем совсем недавно, в вековых обычаях и традициях ориентировался плохо и больше всего боялся сделать что-нибудь не так. Он, как водится, долго уверял, что никаких книг у него нет и читать по-старому он не умеет. Последнее утверждение было недалеко от истины, но в крохотной избушке Овечкина трудно было заметить лежавшие почти на виду три большие книги в старых переплетах из досок, обтянутых кожей. Два дня мы читали ему эти книги, рассуждали с ним об их содержании. Одна из них оказалась изданием московского Печатного двора первой половины XVII в. Рядовое издание, ничего сенсационного; во время моей предыдущей поездки за книгами, на Владимирщине, такие встречались не так уж редко. Но все-таки настоящий XVII в.! До сих пор не без содрогания вспоминаю все то красноречие, которое мы обрушили на голову бедного Овечкина во время этих бесед, убеждая его продать или променять нам книгу. Наконец он не без колебаний согласился.

С первой находкой в рюкзаке уже веселее шагалось по горным тропам, однако эта первая удача долгое время оставалась единственной.

Мы вернулись в областной центр и вскоре уже были во втором из намеченных районов. Новые встречи, многочасовые, а то и многодневные беседы. Оказалось, что, хотя и впрямь русское население появилось здесь лишь в начале XX в., это были выходцы из важных центров сибирского старообрядчества, возникших еще при Петре I и Екатерине II. Удалось точно проследить миграционные пути семей первых насельников этого края, и именно эта информация позволила в следующие годы осуществить ряд очень успешных поездок, двигаясь по этим миграционным путям вспять. Но пока дни за днями проходили в беседах, не приносящих новых приобретений. Наши недоверчивые и замкнутые собеседники исподволь выясняли степень нашей осведомленности о деталях церковной реформы патриар-

ха Никона и о сравнительных достоинствах теорий чувственного и духовного прихода антихриста на землю, о двух бытовавших здесь вариантах толкования православного учения о Софии Премудрости Божьей. В конце этих разговоров на столе иногда стали появляться книги в кожаных переплетах с медными застежками. Появлялись хотя бы для элементарной проверки — как мы читаем и понимаем старые церковные тексты. Но, увы, эти тщательно копировавшие издания XVII в. тома на самом деле вышли из-под печатного станка начала XX столетия. Старина подчас воспроизводилась в них так успешно, что их нынешние хозяева, не подозревавшие о возможности датировки бумаги по водяным знакам, часто были убеждены, что хранят они подлинные дониконовские издания. И кроме этих, так хорошо известных каждому археографу поздних перепечаток — ничего! Ни одной рукописи, ни одной подлинной старопечатной книги. Лишь в следующие годы мы увидим здесь несколько подлинных изданий XVII–XVIII вв., но и тогда они будут встречаться тут реже, чем в археографических поездках по Европейской России. Но к тому времени мы уже будем знать, что во многом это объяснялось концентрацией старины в одной большой современной коллекции. Хозяин этой коллекции помог нам найти необычный вид тех самых поздних книг, которые только и попадались нам в эти первые недели работы.

Необычность состояла в том, что все книги здесь были в замечательном состоянии, аккуратно отремонтированы, переплетены, со всеми застежками, утраченные места текста старательно дописаны одним и тем же красивым полууставным почерком. Между тем бумага и чернила этих дописок были совсем свежими, а почерк, хотя и копировавший старообрядческие образцы петровского времени, также явно принадлежал человеку наших дней. Несомненно, что еще недавно в этих краях работала хорошая мастерская по ремонту книг. Вскоре мы заметили, что сфера ее деятельности распространялась на книги старообрядцев одного из тамошних согласий — «часовенного» — и не затрагивала других согласий. Это несколько сужало сферу поисков.

И тут мы впервые столкнулись с непонятным, с таким, чего не бывало в практике предыдущих археографических экспедиций в нашей стране. И хотя речь шла все о тех же поздних изданиях, сразу стало интересно.

Впрочем, следует описать по порядку путь, который привел нас к первой из этих книг. В районном центре мы успели познакомиться с рыжебородым силачом, жизнелюбом и великим бражником. Он уме-

ло руководил местной крохотной общиной наименее аскетического согласия «белокриницких» и бригадой плотников, недавно создавшей в лучших традициях сибирского деревянного зодчества красивое двухэтажное здание райкома и райисполкома. Старообрядческие устои здесь уже настолько расшатались, что стали возможны совместные возлияния в дни христианских праздников представителей разных согласий — вещь ранее неслыханная. В один из таких вечеров кто-то неожиданно вспомнил о греховности пьянства, о популярном в старообрядческой среде прошлых веков древнем поучении Иоанна Златоуста «О еже не упиватися». Тогда в спор смело вступил рыжебородый плотник, выдвинув в качестве контраргумента евангельский текст о браке в Кане Галилейской: Христос там не только превратил воду в вино, но, по словам плотника, пил его сам и угощал Богородицу. Это грубое отступление от канонического текста дорого обошлось смельчаку. Уже часть бороды его была в руках оппонентов, когда неожиданно страсти были утишены компромиссным толкованием. Его выдвинул один из грамотных стариков «часовенного» согласия, сказав, что в подлиннике евангельского текста употребляется термин, обозначавший только виноградное вино. Поэтому его-то и можно пить в умеренном количестве, тогда как хлебное вино находится под строгим запретом (оставался открытым вопрос о коньяке). Хотя в жизни своей плотник был весьма далек от соблюдения этих ограничений, лингвистические наблюдения старика привели его в восторг и он всячески восхвалял мне его мудрость. Я немедленно выразил горячее желание познакомиться с толкователем. Вскоре я разговаривал с высоким девяностолетним стариком, который ласково глядел на залитый вечерним солнцем палисадник, засаженный лекарственными цветами — марьиным корнем, ноготками, какой-то пестрой «травой от испуга». Разговор касался высоких книговедческих тем: допустимости пользоваться католическими книгами для обличения самих же католиков, методов узнавания никонианской порчи древнерусских книг, писаний никонианского митрополита петровских времен Дмитрия Туптало. Свои мысли старик тут же иллюстрировал цитатами из книг: из обработанных Дмитрием Четых Миней, из церковных летописей итальянского писателя Цезаря Барония, переведенных в XVII в. ярым католиком Скаргой. Книги были все теми же перепечатками конца XIX — начала XX в. в новеньких переплетах. Но вдруг один из этих переплетов привлек мое внимание. Его доски были обтянуты совершенно свежей кожей, которая буквально несколько лет назад разгуливала еще на собственных ногах. Между тем весь сложный рисунок переплета был таков, будто нанесший его на кожу мастер вели-

колепно знал только что вышедшее в Ленинской библиотеке исследование Сократа Александровича Клепикова о русских переплетах XVI–XVII вв. и имел соответствующие технические навыки. Совершенно свежие оттиски традиционного для московского Печатного двора XVII в. травного орнамента, умело оттиснутые сплошные и прерывистые линии. Особенно удивляла хорошо знакомая по многим старым переплетам тисненая надпись «Книга, глаголемая...». Надпись эта делалась всегда особым орнаментальным почерком — вязью. Рисунок и пропорции вязи со временем менялись, давно уже разработаны принципы датировки древних книг по вязи. Перед нами в затерянном в далекой горной долине селе был новехонький переплет с четким тиснением вязью, которая с одного взгляда точно датировалась XVII веком! (См. рис. 6 на цв. вклейке.)

Вскоре нам довелось увидеть еще несколько таких книг. Было ясно, что мы столкнулись с живой (или только что жившей) традицией старинного древнерусского мастерства изготовления книжных переплетов. Это мастерство веками сопутствовало переписке книг, составляло важную часть средневековой техники изготовления манускриптов. Между тем считалось, что самые последние центры по переписке древних книг, последние мастерские-скриптории прекратили свое существование в старообрядческой среде около полувека тому назад; да и они не изготавливали древних переплетов. Последние шаги в этой многовековой традиции прослеживались в талантливой книге замечательного собирателя древних рукописей Владимира Ивановича Малышева «Усть-цилёмские рукописные сборники».

Надо было искать мастерскую, откуда вышли эти удивительные переплеты. К счастью, мы уже догадывались, где ее искать. Или хотя бы ее следы, память о ней.

* * *

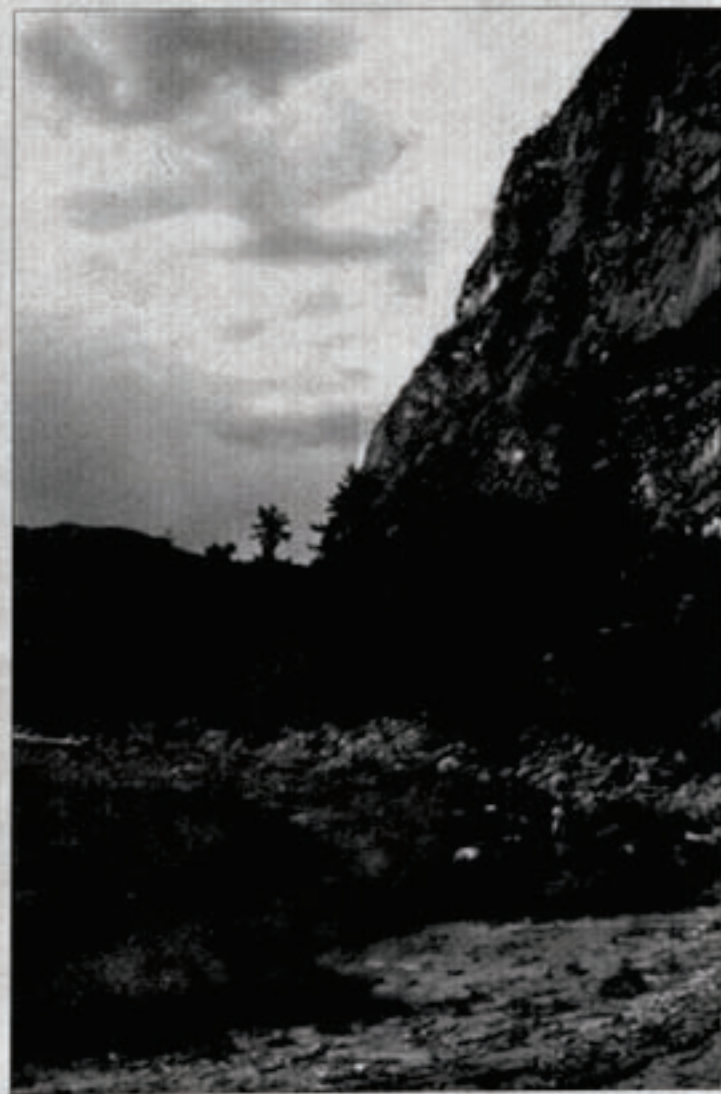
Сразу же за порогами мы вошли в узкое ущелье горной сибирской реки. Гранитные стены обрывались вниз на десятки метров. Там, внизу, они то почти вплотную подходили к воде, то, расступаясь, давали место зарослям спелой смородины, огромным лиственницам, меж которых шла наша тропа.

К концу дня тропинка привела к небольшой поляне. За нею — изгородь, стожок сена, огород. Жилье. Люди (см. рис 7 на цв. вклейке).

Черное, с темно-красным кантом одеяние временами придавало хозяину этого маленького пустынножительного поселения отцу Палладию ту особую осанку и манеру держаться, которые было так трудно совместить с повседневной реальностью атеистических 1960-х годов. Между тем перед самым нашим появлением он занимался

обычным крестьянским делом — ходил на реку ставить сети. Выговор и лицо на первый взгляд такие же, как у многих сибирских крестьян. Лишь приглядевшись, замечаешь печать тех десятилетий, когда авторитет его был непререкаем на многие сотни верст вокруг.

Встретивший нас хозяин пустынножительной заимки не был поражен нашим визитом. Нам был ни к чему тревожащий эффект внезапного появления, поэтому мы охотно называли в каждом старо-

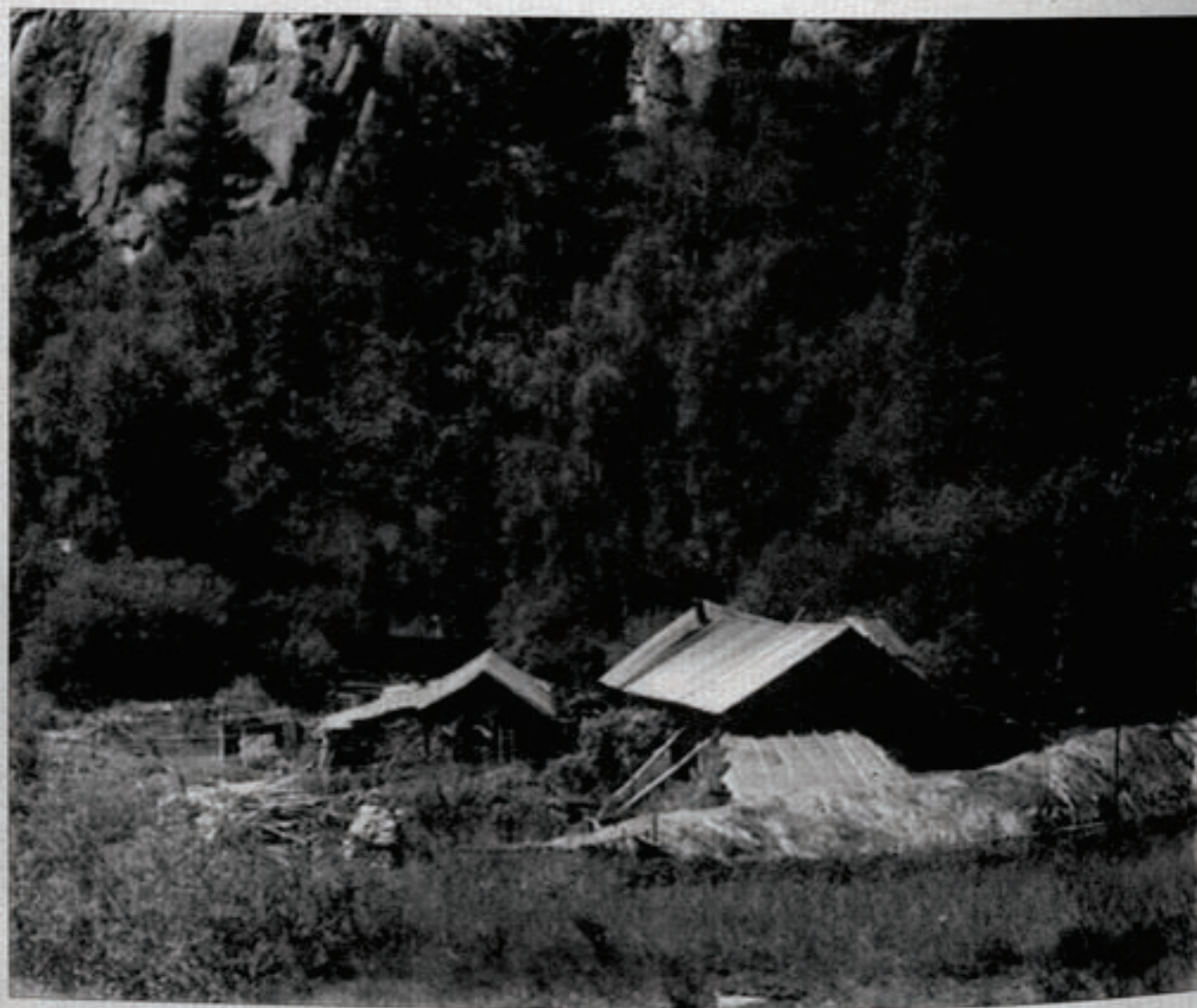

*Гранитные стены обрывались
вниз на десятки метров*

обрядческом доме конечную цель нашего маршрута. Несмотря на безлюдность местности, весть о нашем появлении прибыла сюда на несколько дней раньше нашей пешей группы.

Сквозь приветливость встречи проглядывал не только интерес к свежим людям (с которыми, к тому же, можно поговорить и на столь специфическую тему, как последние новости о попытках объединения православия с католицизмом). Мы скоро почувствовали отработанный ритуал приема странников, хоть и редких в этих краях. Не-

сомненно, что главной психологической кульминацией ритуала был впечатляющий эффект демонстрации книжных богатств. Здесь не было и следа робости, столь часто встречаемого страха показать древнюю книгу незнакомым людям. Как раз наоборот: подобный показ не раз уже, видно, служил укреплению авторитета этого поселения.

Избушки скита почти вплотную подходили к скалам, что создавало их обитателям полезную возможность быстрого бегства

А показать было что! Когда старик подчеркнуто торжественным жестом откинул занавеску из ткани, за ней открылись полки, плотно уставленные десятками старинных томов. Здесь почти не было поздних перепечаток — корешок к корешку стояли издания конца XVI — первой половины XVII в. Хозяин явно умел по-своему (но довольно точно) датировать книги и собирал лишь старинные. Все книги — в образцовом порядке. Передавая их мне одну за одной для краткого

знакомства (а заодно и проверки, умею ли я определять их названия, назначение), хозяин не преминул напомнить древнее проклятие всем, забывающим закрыть застёжки книги после чтения. И впрямь, ни одной оборванной застёжки, утерянные заменены новыми, на некоторых из них — недавно нанесенный чеканный орнамент. Оторванные части листов аккуратно подклеены и дописаны знакомым уже почерком. Как вскоре оказалось, почерком хозяина этой библиотеки.

Однако настоящее знакомство с самой мастерской произошло лишь на следующее лето, когда наши уверения об интересе к древней книге как единственной цели наших путешествий подверглись уже некоторой проверке временем. Тогда мы получили, хоть и не без труда, возможность сфотографировать инструменты этого скриптория — первого, но не последнего действующего скриптория, обнаруженного нашими группами в Сибири. Потом мы даже стали заказывать для переписки древние тексты, так что коллекция Сибирского отделения Академии наук СССР располагает сейчас древнерусскими сочинениями, переписанными полууставом лишь несколько лет назад, например «в лето от сотворения мира 7475» (т. е. 1967 г.). Наряду с готовыми рукописями стали получать в таких скрипториях и «полуфабрикаты» с не раскрашенными еще контурами сложных инициалов и т. д. А недавно мы получили из другого енисейского скриптория несколько интересовавших нас сочинений, специально переписанных для нас древним «полууставным» почерком в тетрадке из тонко выделанной бересты.

Но все это будет потом. А пока мы стояли и рассматривали удивительную библиотеку (ныне уже не существующую), задавали первые осторожные вопросы о приемах ремонта книг и их переписки.

В итоге оказалось, что мастерская, пожалуй, даже интереснее, чем иные уже известные науке издания XVI–XVII вв., многие из которых позднее перекочевали на металлические полки книгохранилищ СО АН.

Во второй наш приезд в те места мы с радостью обнаружили, что условия хранения книг этой удивительной библиотеки значительно улучшились. Я много говорил предыдущим летом с обитателями этого поселения, как губительно влияет на старую бумагу сырость, ощущавшаяся и в разгар жаркого лета в помещении с худой крышей. На сей раз нам сразу бросилось в глаза, что изба была капитально отремонтирована и заново покрыта добротной листовенничной дранью — дело явно непосильное для живших там стариков. Не без внутренней гордости я хотел приписать такое заметное улучшение силе собственного красноречия, но оказалось, что история эта много сложнее (см. рис. 9 на цв. вклейке).

Несколько домов этих пустынножительных заимок, включая тот, где находились книги, были отремонтированы к памятной дате — 50-летию появления в этих местах хозяина библиотеки, выходца из пермской крестьянской семьи. Появление это не случайно произошло аккуратно в беспокойном 1917 году, так что когда в нашем институте шумно отмечали на специальной конференции с банкетом полвека существования страны «Великого Октября», в засаянской глуши тихо, но результативно прошел другой юбилей. Ремонт скита Палладия организовал (и сам немало при этом потрудился) бригадир соседнего леспромхоза, человек весьма авторитетный, в свое время изрядно повоевавший с этим самым хозяином библиотеки.

Бурные события тех лет были уже в далеком прошлом, о них нам без утайки рассказывали многие их участники. Незадолго до начала здесь Гражданской войны две 16-летние девушки из местных старообрядческих семей были против своей воли пострижены под именами Варсонофии и Мастрадеи в монашки соседнего скита матушки Измарагды. Они стали жертвой полуязыческого обычая, бытовавшего там: прикосновение чужого человека к священному монашескому одеянию считалось тяжким прегрешением, загладить которое можно было лишь пострижением этого человека в монахи. Девушки навестили скит, когда все взрослые находились на покосе, и, ожидая их, забавы ради примерили одеяния своих родственниц-монашек.

Вскоре после пострижения суровая скитская жизнь начала тяготить их, а тут пришли в эти края новые времена. Невольные постриженницы задумали неслыханную вещь — побег. Темной ночью их умыкнули двое решительных парней из «близлежащего» (всего лишь в полусотне верст) села (см. рис. 8 на цв. вклейке).

Почти через полвека в разных местах в разное время мы нашли всех четверых участников этой романтической истории; рассказанные подробности происшедшего в те далекие времена совпали. Одним из них и был бригадир промхоза. Судьбы обеих беглянок сложились непросто, жизнь бросала их в разные места и ситуации, сведя в конце концов опять вместе, в одной пустынножительной заимке той же горной долины. У первой из них семейная жизнь так и не сложилась, она оказалась очень хорошей работницей, еще до войны прославилась как передовая доярка соседнего совхоза. Совхоз командировал своих лучших людей на ВДНХ, и доярке до конца ее дней хватило рассказов о чудесах столицы.

Оставшись одна после смерти родителей, она ушла туда, откуда начинала свой путь во внешний мир. Одинокая избушка-полуземлянка у скалы над излучиной реки — пейзаж неправдоподобной красоты, трудно поверить, что такое на самом деле существует. Совсем ря-

дом, на самой скале, на точно найденном месте, видимом издали, еще от скита с книгописной мастерской, постепенно возводится для нее и ее подруги просторная пятистенка из лиственничных бревен. Возводит ее все тот же бывший бригадир промхоза, который помог отремонтировать крышу над избой-книгохранилищем, близкий родственник Измарагды — там все родственники.

У подружки был более длинный путь. В голодное время она поступила в услужение местному партийному деятелю — стала домработницей. В годы Большого террора хозяин ее пошел на повышение — сначала в областной центр, а затем и в столицу. Так она тоже побывала в Москве — накануне войны и в первые ее месяцы. Захваченная вихрем военных событий, она оказалась в Туле — без единого знакомого, потеряв хлебные карточки. Она работала на сооружении известного пояса укреплений вокруг Тулы, затем добровольцем пошла в армию, стала прачкой, проделала весь тяжкий путь от Тулы до Берлина, получала награды. В страшные дни на Курской дуге пообещала себе, что, если останется живой, вернется в тихую сибирскую долину, в свой скит. Через много лет пришел день, когда она вспомнила об этом обещании.

Я бережно храню своеобразный сувенир — память о тех беседах, когда мне рассказывали эту удивительную историю: во второй мой приезд в ту долину обе старухи подарили мне аккуратную рукопись в четверку, написанную в те годы, когда будущему Ивану Грозному было еще лет пять от роду; в рукописи четыре красочные заставки удивительно тонкой работы — яркие краски, создающие сложное плетение нововизантийского орнамента, нанесены на листики сусального золота, приклеенные к бумаге рукописи; это Евангелие Измарагды, когда-то бывшее главной достопримечательностью того скита, из которого темной дождливой ночью ушли обе беглянки (см. рис. 10, 11 на цв. вклейке).

Позднее в нашем институте я показывал заставки книги одному из почетных гостей Академгородка, историку из ФРГ. Он внимательно слушал историю рукописи, время от времени возводил вверх беслые глаза и почему-то со вздохом шумно шептал: «Unmöglich!»¹

* * *

Опыт многолетнего общения с обитателями этих поселений (когда они лучше познакомились с нами, а мы — с ними) принес, пожалуй, тройную пользу сибирским археографам.

¹ Невероятно! (нем.)

Во-первых, мы смогли наблюдать и описать живую практику переписки древних книг, уходящую корнями в вековую традицию. Эти описания вызвали понятный интерес специалистов, были быстро опубликованы сначала в Ленинграде, а затем и за рубежом.

Общий вид мастерской скриптории

Во-вторых, мы впервые увидели (а затем получили возможность скопировать) интереснейшую рукопись, переписанную в этой мастерской и содержащую целый пласт памятников неизвестной народной литературы XVIII в. Находка позволила начать целенаправленный поиск и в экспедициях, и в государственных хранилищах; позднее в него включились и археографы нового Свердловского центра. В результате возникло из небытия яркое явление — крестьянская старообрядческая письменность XVIII–XIX вв. востока страны, мы узнали имена и наполненные острой борьбой биографии создателей памятников этой письменности.

В-третьих, чрезвычайно полезными оказались те советы и сведения, которые мы постепенно получили здесь для дальнейшего археографического поиска в Сибири. Эти ниточки в конце концов навели нас на след одной из самых ценных, по мнению наших московских и ленинградских коллег, археографических находок последних десятилетий: рукописного сборника XVI в. с большим комплексом новых данных по общественно-политической истории России времен Ивана Грозного и его отца Василия III, в том числе — с материалами судебных процессов над Максимом Греком.

Каждая из этих трех тем заслуживает отдельного рассказа.

* * *

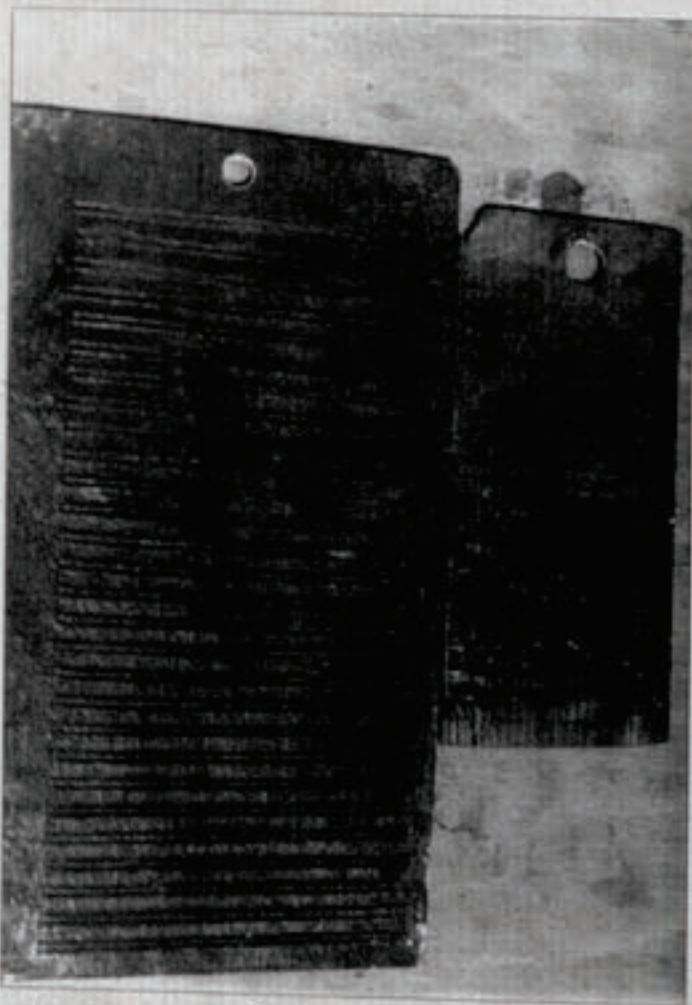
Древнерусская рукопись начиналась, естественно, с бумаги и чернил. В виденных нами сибирских скрипториях переписка древних книг производилась на доступных переписчикам сортах бумаги, по возможности на более плотной, нелинованной; меловая бумага не употреблялась. О наличии водяных знаков на старой бумаге

Инструменты мастерской. Общий вид

переписчики обычно не догадывались. Для полемических выписок, духовных стихов, отдельных молитв и житий шла любая, оказавшаяся под рукой бумага, в том числе листы из ученических тетрадей и даже целые тетради.

К бумаге для переписки служебных книг предъявлялись более строгие требования, особенно к нотным (крюковым) рукописям, которые обычно писались на самой плотной бумаге. Перед началом

Доска-терекса для линовки бумаги

переписки обычно заготавливали тетради по восемь листов (из четырех листов, каждый из которых сгибался вдвое), часто бумага сразу заготавливалась таким образом на всю книгу. Предпочитался близкий к школьной тетради размер в 4° и меньше; для небольших книг повседневного пользования употребляли даже очень маленький размер в 16°. Однако изготавливались еще и книги в лист; такой размер имеет, например, рукопись «Обиход крюковой», написанная почти на наших глазах четким полууставом, с применением вязи и инициалов.

Нелинованная бумага графится с помощью доски-терексы. Она изготавливается следующим образом. Берется гладко выструганная доска толщиной 3–5 мм и в 1–3 см от конца длинных ее сторон тон-

ким шилом делается по ряду парных отверстий. В отверстия протягиваются толстые нити, которые приклеиваются к доске; получают парные линии, ограничивающие высоту каждой строки и расстояние между ними. Готовая доска покрывается обычно тонким слоем воска. Для того чтобы разлиновать лист бумаги, достаточно подложить под него терексу и провести несколько раз рукой по бумаге — линии слегка выдаются на ней. Это нехитрое приспособление проделало долгий многовековой путь из книжных мастерских Древней Руси в затерянные среди сибирских гор старообрядческие избышки. Необычным было и то, что само греческое слово «терекса» (тиракса) являлось столь же привычным для нашего хозяина, как и название любого предмета повседневного крестьянского обихода. Необычно было и слушать его неторопливый рассказ об изготовлении тирексы; таким же обыденным тоном он расскажет чуть позднее, как делают в этих краях «карпету» (т. е. торпеду) — снасть для ловли харьюза.

В более глухих и отдаленных районах еще хорошо помнят железистые чернила (обычные в древнерусских скрипториях), хотя из-за отсутствия дубовых орешков эти чернила уже давно не делали. Для изготовления их брали дубовые орешки, железные опилки, кислый квас, камедь. В наиболее замкнутых скитах употребляли чернила из березовой чаги: наплыв на березе очищался от коры, распиливался на небольшие пластины, которые вываривали два-три дня, причем жидкость несколько раз охлаждали и опять кипятили с кусками дерева; в полученный буро-коричневый настой добавляли лиственничную камедь. Кроме того, изготавливали чернила на саже, тоже с добавлением камеди. Все больше и больше распространялись покупные фиолетовые, синие, черные, красные чернила. Была известна также черная и красная тушь, хотя далеко не везде. Еще совсем недавно, в 1920-х гг. изготавливалась из покупного порошка и применялась киноварь, однако позднее она была целиком вытеснена красной тушью и чернилами. Кое-где для орнамента употребляли желтую, зеленую и коричневую акварельные краски.

В той, первой обнаруженной нами мастерской книги переписывались только гусиными перьями. Стальные перья были известны и там; нам даже объясняли, как их затачивать, чтобы они давали ровную и достаточно толстую линию полууставного почерка. Однако применение стальных перьев здесь осуждалось как новшество, противное традиции. Нам рассказывали, что для нотных (крюковых) рукописей с их особо толстыми линиями употребляются орлиные перья, однако увидеть их нам не удалось.

В менее отдаленных районах книги переписывались, как правило, особо заточенными стальными перьями или даже обычными стальными, однако и здесь иногда применяли еще гусиные перья.

При копировании текста, чтобы не сбиться со строки, на оригинал накладывалась небольшая медная линейка, один край которой слегка загнут: она передвигалась по строкам по мере переписки.

Гусиные перья для переписки книг

Переписка книги в две-три сотни листов занимала обычно несколько месяцев; переписчик редко мог посвящать этому каждый день. Один из наиболее опытных сибирских переписчиков говорил нам, что в день переписывает по 8–10 страниц в 4°, если отводит на это весь день. Всего он переписал за свою жизнь более полусотни книг (тогда ему было более 80 лет). Почерк его очень устойчив, и легко узнать книги, написанные его красивым полууставом 30–40 лет назад.

Переписанная книга брошюруется и переплетается обычным порядком, с употреблением материалов и инструментов, хорошо известных в переплетном деле: суровых ниток, шпагата, столярного клея и мучного клейстера, П-образного станка для сшивания тетрадей, пресса с деревянными винтами или клиньями, косого ножа для обрезки.

Доски переплета в наши дни редко уже обтянуты кожей, обычно ее заменяет плотная ткань. Такой переплет с досками, обтянутыми тканью, и с медными застежками для рукописи в 8° стоил несколько рублей. Мастера регулярно делали подобные работы на заказ.

Штампы для тиснения кожи переплета

Штамп для медной застёжки

Штамп «Книга глаголемая...»

Изготовление переплета из досок, обтянутых кожей, тогда еще не исчезло совсем. Именно этим объяснялись странные переплеты, виденные нами. Все стало понятным, как только нам показали набор инструментов для изготовления и тиснения кожаных переплетов. Среди них были многочисленные штампы и валики для горячего тиснения орнамента. Загадка вязи XVII в. на современных переплетах объяснялась очень просто. Был взят какой-то подлинный переплет первой половины XVII в. С соответствующих его мест наш хозяин изготовил глиняные оттиски, рельеф оттисков был им затем углублен, и после обжига глины получились готовые к употреблению штампы.

Кроме штампа с вязью «Книга глаголемая», таким же образом были изготовлены шестиугольные, ромбовидные и треугольные штампы древнего растительного орнамента. Другие штампы и валики — из бронзы и даже из алюминия также стремились подражать старым образцам, далеко не всегда точно повторяя их.

* * *

Но реликтами XVII–XVIII вв. были не только гусиные перья и штампы скриптория. В самой жизни обитателей этого заброшенного в горных дебрях поселения проглядывало все то же стремление подражать старым образцам — хотя, опять же, не всегда удавалось точно повторять их.

И все-таки мне очень повезло — с самого начала моей работы в Сибири удалось посмотреть своими глазами на крохотные, сильно деформированные, остатки той многовековой практики пустынно-жительной колонизации, которая так тесно была связана и с психологией русского крестьянства, и с практикой его антифеодалного протеста. Недаром в последующих главах нашей книги, рассказывающих об этом протесте, постоянно будут упоминаться затерянные в лесах и горах заимки, скиты, поселения — передний край земледельческого освоения огромных просторов востока страны.

Часто (хотя далеко не всегда) это были поселения старообрядцев; часто беглецы становились старообрядцами уже придя в эти тайные убежища. Особенности быта, обусловленные житейскими правилами и запретами, сложившимися с конца XVII в. в старообрядчестве, будут передаваться из поколения в поколение, лишь постепенно вытесняясь новыми понятиями и привычками. Кое-что из этих традиций, восходящих к допетровскому и петровскому времени, успеем увидеть и мы. И увиденное, хоть и частично, можно будет соотнести с тем, что нам рассказывают письменные источники XVII–XVIII вв. о жизни первых старообрядческих общин, о жарких спорах, волновавших беглецов из мира странных петровских новаций.

Уже во время первого нашего путешествия хозяин скриптория подробно рассказал нам о мировоззренческих спорах, разделивших надвое население нескольких горных избушек. Предметом дискуссии был вопрос, волновавший византийских философов еще во времена Юстиниана, обсуждавшийся на русских соборах времен Ивана Грозного, привлекавший внимание известных просветителей конца XVII в. братьев Лихудов и ставший перед Октябрем темой большого монографического исследования П. Флоренского, основателя русской математической семантики. Это была фундаментальная мировоззренческая проблема сущности высшей Премудрости Божией, Софии, ее места во всем мироздании. Идеология раннего Средневе-

ковья (в том числе русского) немало заимствовала здесь от поздней античности — неоплатонизма, затем от гностиков. Сохранились, в частности, следы представления о Премудрости как об особой силе мироздания, отличной от трех ликов божества, но были и различные взаимоисключающие попытки привязать Софию к одному из этих ликов, второму, то есть к Богу Сыну, либо к Богоматери.

На Руси в период феодальной раздробленности в разных центрах утвердились различные взгляды на эту проблему. Предпринятая при Иване Грозном митрополитом Макарием общая попытка унификации в идеологической сфере коснулась и этой проблемы, но без особого успеха: после долгого спора соборные старцы сошлись на компромиссном решении — не считать еретической ни одну из обсуждавшихся тогда точек зрения.

В канун петровских преобразований старые споры возобновились, и тогда гимнографические тексты в честь Софии, бытовавшие в XVI в., были отредактированы известными деятелями украинского просвещения Лихудами — основателями воспитавшей Ломоносова колыбели новой русской культуры, Славяно-греко-латинской академии.

Вокруг одного из этих текстов и разгорелась острая дискуссия среди наших новых знакомых. Конечно, более чем тысячелетняя толща обсуждения самой проблемы не была им известна, но основные аргументы XVI в. воспроизводились в далеком горном ущелье Сибири с завидной точностью, хотя и без малейшего представления об источнике этих аргументов.

Конечно, нас вскоре попросили дать справку об истории обсуждения столь животрепещущей проблемы. Кое-что я мог сказать сразу — древние споры о сущности Софии были известны историкам давно, но многих важных деталей обсуждения этого вопроса в XVI в. я не знал на память, а как раз они интересовали моих слушателей больше всего: какую именно позицию занимали здесь наиболее авторитетные для них идеологи древних веков. Пришлось пообещать навести справки в старых рукописях.

Справки навести было нетрудно, археографам не так уж редко приходится это делать для владельцев рукописей. Но ситуация складывалась непростая: об авторитетности наших справок, а значит, и о нас самих, здесь будут судить отнюдь не на основании того, как точно мы излагаем древние рукописи. Будут действовать какие-то внутренние взаимоотношения, перипетии спора в этой долине, нам неизвестные. И даже самое точное изложение исторических фактов может закрыть перед нами двери каких-то очень интересных домов.

Но делать нечего, единственное правильное поведение — как раз точное изложение исторических фактов. Ознакомившись в Новоси-

бирске и Ленинграде с документами о соборных спорах XVI в., о древнем тексте песнопения в честь Софии Премудрости Божией и его редактировании Лихудами, я в подробном послании хозяину книгописной мастерской изложил все эти факты. Мне повезло: мое изложение давало немало новых аргументов обеим сторонам (кстати говоря, если хорошо покопаться, то чаще всего так и бывает). В XVI в., как я говорил, обе эти точки зрения были признаны каноническими; Лихуды, редактируя текст канона Софии, не внесли в него догматических изменений.

Свою историческую справку я отправил не в письменном виде, а наговорил на магнитофон, послав с ним участников нашей экспедиции студентов Г. П. Енина и А. Н. Кручинину. Старик, прослушав информацию, остался очень доволен ею и сразу же распорядился устроить коллективное прослушивание пленки всеми обитателями скита.

Нам было очень важно продемонстрировать таким наглядным способом положительные стороны новой техники, приучить к ней жителей долины. Здесь была жива еще традиция древнерусского «знаменного» и «демественного» распева с употреблением «крюковой» нотации, далеко не во всех случаях поддающейся еще расшифровке учеными. Позднее нам удалось записать лучших певцов этих мест (среди них был и брат Измарагды Гермоген); самые опытные знатоки древней музыки взялись обучать Алё Кручинину, студентку консерватории.

А между тем отношение к технике в тамошних скитах было крайне отрицательным. К любой технике, даже к такому новшеству, как керосиновая лампа (для освещения использовали воск от небольшой пасеки, которую умело вел хозяин скриптории, жаловавшийся, однако, на грабительские набеги медведя).

Пустынножительские поселения старообрядческих согласий всегда стремились сохранить традиционный уклад жизни, но степень неприятия новшеств, в том числе технических, была очень разной, и постепенно жизнь брала свое. Несмотря на все запреты, по соседству со скрипторием охотники, даже самые горячие почитатели его хозяина, быстро оценили удобства лодочных моторов. Я еще видел, как, переселяясь в большой деревне в новый дом, кержак в первую очередь ликвидировал проволоку радиотрансляционной сети, но вскоре даже в наиболее малонаселенных местах редкий охотник стал выходить на промысел без транзисторного приемника, ежедневно сообщая о местных сводках погоды. А затем в ближайшем к скриптории селе по инициативе членов старожильческих семей, десятилетиями поддерживавших соседние скиты, организовали регу-

лярное электрическое освещение, и все хозяйки тут же обзавелись стиральными машинами, доставленными на самолетах. Одного из местных наставников я тоже встретил впервые в самолете — он вез домой лодочный мотор. Долгие догматические споры между стариками о канонической допустимости полетов самолетами, отголоски которых я еще застал, были уже в прошлом. (Спорили о том, можно ли отпевать человека, если он погибнет в полете: по Апостолу человек, садящийся на корабль в бурю, — самоубийца; в одном из забытых в книге писем мы прочитали трезвое мнение, что если летчики не употребляли перед полетом спиртное, лететь с ними канонически допустимо.) Но это все в «обычных» поселениях, в скитах же — свой устав и свои нормы. Стремление нерушимо сохранить традицию, старину — построить свою жизнь как оттиск древнего штампа на коже книжного переплета.

Хотя штамп при этом провозглашался «дониконовским», то есть, грубо говоря, до середины XVII в., на деле большинство бытовых проблем, связанных с выработкой норм поведения старообрядческих общин в «никонианском» мире, остро встало несколько позднее — в конце XVII — начале XVIII в., преимущественно в петровское время. Именно тогда стали оформляться основные старообрядческие согласия со своими ответами на эти вопросы.

В наиболее радикальных из этих согласий на складывающиеся бытовые нормы, наряду с древними каноническими правилами, оказали влияние несколько важных общих идей. Это в первую очередь очень характерная для средневекового сознания мысль о приблизившемся вплотную конце света. Сделав вывод о том, что в России после Никона в той или иной форме воцарился антихрист и близок Страшный суд, идеологи старообрядчества стали рассматривать всю окружающую их действительность русской феодальной империи как царство победившего антихриста. В связи с этим старые нормы церковного права о бытовом отгораживании от иноверцев стали трактоваться гораздо строже обычного, из них были сделаны выводы, далеко ушедшие от традиционного учения церкви.

Так, в наиболее решительные головы сразу нескольких согласий пришла мысль о том, что в мире победившего антихриста деньги и торговля — первопричина множества грехов — стали, наряду с государственным принуждением, важнейшим средством сатанинского соблазна людей, их вербовки силами зла. Был сделан вывод о том, что люди истинной веры должны избегать даже прикосновения к деньгам, сторониться торговли, не употреблять любых купленных на деньги товаров.

Это было, по сути, патриархальной крестьянской реакцией на наступление новых, буржуазных отношений. Но вскоре самые круп-

ные и влиятельные центры старообрядчества (Выгореция, Москва и другие) связали свою судьбу с буржуазным развитием, торговлей, текстильной промышленностью. (Одна из глав подробной истории Выгореции, написанной в 1970 г. добросовестным американским историком Робертом Крамми, называется «Святые в торговле».) Начались новые острые споры, действительно ли оскверняются «брашна» (пища), прошедшие через «торжище». И видные идеологи старообрядчества разрешили торговлю и купленные на рынке товары.

Однако вращение руководителей крупных согласий в «мир антихриста» одобрялось далеко не всеми. Радикальная крестьянская оппозиция к их линии была всегда очень сильна в старообрядчестве, что постоянно приводило к созданию все новых согласий, центров, к незатухающей полемике. Наблюдая за бытовыми нормами и запретами, которым подчинялась жизнь скитов близ того нашего первого скриптория, мы вскоре заметили, что тамошние пустынножители стремились быть наследниками именно крестьянской, наиболее радикальной традиции. Эти скиты были «безденежными»: деньги там были под строгим запретом. (Позднее наши экспедиции встречались и с другими «безденежными»; в иных местах старики поручали вести все неизбежные денежные дела поселения какому-то одному человеку, чаще всего в качестве епитимьи, наказания за грехи.)

Конечно, потом обнаружилось, что общий принцип «безденежности» знал серьезные исключения, цена денег была там неплохо известна, не раз у меня даже приценивались к книгам. Была своя такса — не очень-то высокая — и на то, чтобы стать членом этой трудовой общины, и на то, чтобы быть похороненным в тамошней земле. Но все же прикосновение к деньгам считалось грехом, и община пыталась строить свою жизнь полностью на натуральной основе.

В частности, этот принцип диктовал многие запреты в еде и одежде, соблюдавшиеся в конце 60-х гг. еще довольно строго. Нельзя было употреблять сахар — его, минуя денежное обращение, не приобрести. Соль добывали через знакомых у ближайшего соляного озера, в паре сотен верст всего. Близ избышек еще недавно были поля зерновых, мы уже застали только одно небольшое; основные запасы муки и зерна получали, меняя их на коров и телят, выращенных пустынниками (в скитах действовал традиционный круглогодичный запрет на мясо). Все остальные продукты давали тщательно ухоженные огороды, лес, река — жизнь в этой общине требовала каждодневно нелегкого труда, кроме обязательных пяти-семи часов молитвы.

Пустынники с огромных прибрежных валунов ловили рыбу на «мушку» из меха, ловко подсекая роскошных харьюзов. Ставили сети; порою попадался таймень. Все мои студенты потом подолгу с востор-

гом вспоминали гостеприимный стол хозяев с его главным блюдом — пирогом из харьюза трижды в день, чай из бадана и смородины с медовыми вареньями. В заключение на стол ставили каленые кедровые орехи, и начинались многочасовые беседы на такие серьезные темы, как применение древних пособий (переписываемых в скриптории) для исчисления соотношения солнечного и лунного календарей или методов определения по Кормчей седьмой степени родства, препятствующей браку.

Немалая часть огорода недалеке от книгописной мастерской была отдана под картофель. Эта обычная для всякого крестьянского огорода картина в данном случае не была такой уж сама собой разумеющейся. Вопрос о допустимости такого новшества, как картофель, не раз бурно обсуждался в старообрядческой литературе прошлых веков. Широкое хождение имело посвященное этому растению специальное старообрядческое сказание, где доказывалось, что клубни картофеля произошли от нечестивого союза некой царской дочери с огромным псом, бывшим, конечно, лишь орудием Сатаны. Но несмотря на все подобные предания, несмотря на «картофельные бунты» сороковых годов XIX в., новый важный продукт постепенно завоевывал крестьянские поля, в том числе и в сибирских кержацких поселениях. И как только я задал хозяину скриптория вопрос о картофеле, он прочитал мне все из той же маленькой книжицы, переплетенной в оленью кожу, постановление «Бийского 7420-го (1912) года собора», разрешившего употребление картофеля.

Бийское разрешение было подкреплено приличествующим случаю сказанием: о том, как отцам и страдальцам соловецким, выдерживавшим осаду войск нечестивого царя Алексея Михайловича, был чудесным образом дан свыше для пропитания новый продукт — картофель. Несмотря на явное несоответствие хронологическим реалиям, многие поспешили поверить в это предание, мне довелось слышать его неоднократно. Но не все признали бийские послабления — несколько раз я беседовал во время своих путешествий за древними книгами с принципиальными сторонниками сказания о сатанинских картофельных клубнях. Одна из таких собеседниц, деятельная и смелая Анна Сергеевна (о которой речь в четвертой главе нашей книги), нашла своеобразный компромиссный выход из положения: она обличала картофель, выращенный из осужденных сказанием клубней, но признавала собственноручно выведенный из семян. Судя по ее огороду, постоянное семенное обновление шло ее картошке на пользу. Она знала об употреблении «обычного» картофеля хозяином скриптория и строго осуждала его за это.

Упомянутое выше решение Бийского собора о картофеле было как верхушка айсберга: сначала в той же книжице в руках о. Палладия, а потом и во многих других сборниках, обнаруженных нашими экспедициями в Сибири и позднее моими екатеринбургскими учениками А. Т. Шашковым и В. И. Байдиным на Урале, удалось найти около трех десятков различных соборных постановлений «часовенных». Это был новый тип исторических источников, охватывавших немалый период с 1723 г. (Ирмуский собор, Зауралье) до 1994 г. (Сандакчесский собор, Нижний Енисей) и огромную территорию от уральских заводов до староверческих поселений в Манчжурии, Приморье и штате Орегон (США). И многие из этих документов касались трудной темы бытовых запретов — их строгость подчас ослаблялась, но чаще под запрет попадали все новые предметы еды и одежды, связанные с распространением новой культуры и техники и с опасностью «смешения» с «несвоими». В 1969/70 г. на Енисее подтверждалось запрещение употребления «магазинных продуктов» — хлеба, соли, сахара, рыбы, крупы, муки, а особенно — «пряников, печения и конфет». Если их все же употребляли по нужде в дороге, за это назначалась епитимья по 100 поклонов в день в течение 1–4 недель. Минусинский собор 1974 г. запретил «макаронные изделия». Тогда же и позднее на соборах шли споры о допустимости употребления «сухофруктов», магазинного сливочного масла. В некоторых общинах пошли на компромисс: запретные продукты «исправляли» особой молитвой, а затем употребляли. Но другие осуждали подобную слабость. Так собор 1990 г. в д. Безымянка запретил «исправлять» покупные «сухое молоко, дрожжи, сушки, пряники, маргарин и что-либо в банках». Но представители трех деревень, в целом согласившись с постановлением собора, заявили, что они все же будут продолжать «исправлять банки: огурцов, помидоров и яблок».

В 1970-е годы в Среднем Енисее по просьбе охотников, не выдерживавших поста вдали от дома на зимних промыслах, отменили запрет Чулымского собора 1909 г. на сахар и разрешили его «исправлять». Но тут же нашлись и критики такого послабления, заявившие, что сахар стали исправлять не понемножку, а «мешками и центерами». В скиту Палладия полный запрет на сахар держался твердо.

Но вернемся к нашему первому маршруту. Запреты на покупное касались не только пищи, но и одежды. Домашние ткацкие станки — кросна были во многих домах, и нам часто приходилось восхищаться древними узорами изготовленных на них тканей, полотенец, скатертей. Позднее нам удалось приобрести немало прекрасных образцов народного орнамента. Покупные ткани в скитах долгое время были под строжайшим запретом, как и ткани светлых или пестрых расцветок.

ток. Но постепенно и здесь строгости стали несколько ослабевать, мы видели уже и фабричную черную ткань, а потом и сами дарили ее.

Соборные постановления начиная с Ирюмского 1723 г. неизменно повторяют запрет на одежду лиц иных конфессий: «Иноземное одеяние христианом не носить» (1723 г.); «мужскому полу иноземного одеяния не носить, сиречь неметския — сюртуки, армянския — ярмеки, жидовския — картузы, и шапки еллинския» (1840 г., Тюмень). Еще ранее Шелконоговский собор 1802 г. постановил отлучать всех, носящих не только эти иноземные одежды, но и вообще «одежду модную». Бикинское соборное уложение 1926 г. (Приморский край) запрещает носить «шапки из поганого зверя... пинжаки и сапоги со скрипом», Сандакчесский собор 1994 г. — «костюмы, кепки и шапочки разные с козырьками и шишками», а также детскую одежду «со всякими нашивками и рисунками разных животных и нерусскими буквами».

Особенно жестко регламентировалась одежда для общественной молитвы, например: «Женам, приходящим в дом молитвенный помолиться Богу, чтобы прямополосыя сарафаны не носили, а приходи-ти не в светлых, а в черных сарафанах и на главе надевати черныя платы долгиа, или коноватныя (плотного восточного шелка. — Н. П.), или шали — надевати прямо, а не косяком» (1802 г., Шелконогово).

Были и другие запреты. Например, нельзя было держать собак (зато было изобилие котов) — собаки отпугивают странников. В XX в. актуальными стали запреты на всяческие технические новшества, особенно — на радиоприемники и телевизоры (Северный собор 1976 г. на Нижнем Енисее, собор 1990 г. в д. Безымянке близ канала с Оби на Енисей — вплоть до Сандакчесского собора 1994 г.). Здесь и отголоски существовавших еще в Киевской и Московской Руси запретов на разгульные празднества и игрища, на веселую музыку на гусях, сопелках. Но здесь и попытка отгородиться от новейших средств советской пропаганды, в том числе и атеистической.

В скитах этой долины существовал строгий запрет фотографироваться (в других скитах нас, наоборот, просили сделать фотографии). В ответ на мой вопрос о причине запрета я услышал интересное объяснение, далекое от любых церковных представлений и правил, но в чем-то неожиданно близкое известному бальзаковскому сюжету о шагреновой коже. Каждый человек получает при крещении невидимое сияние вокруг головы. При исполнении каждого греховного желания количество этого сияния уменьшается. Между тем на том свете это сияние будет пропуском в рай. Фотоаппарат, оказываясь, работает, улавливая этот невидимый свет. Отсюда понятные выводы: лучше раз согрешить, чем раз сфотографироваться. Фотоаппа-

рат — зловредная выдумка, лишаящая человека надежды на райское блаженство.

...Мы возвращались из путешествия в далекое горное ущелье, обогащенные самыми различными сведениями и теориями. В небольшом селе всего лишь в полусотне километров от маленького аэродрома на плоской вершине горы я консультировал школьника, сына местного наставника, как обращаться с недавно купленным им фотоаппаратом.